

После присоединения группы Зено к делегации Уэйна неприятностей в дороге больше не возникало. Они не теряли бдительности, но, ступив на каваринские земли, немного расслабились. Невозможно всё время оставаться настороже, иначе и до цели не доберёшься. Правда, в этом есть доля вины представителей остатков марденских войск, в частности, самой Зено. Дорога длинная — время как-то убивать надо. Конечно, дела насущные никуда не делись: то график маршрута скорректировать, то с местом ночлега разобраться; но Ниним и Раклам взяли всю работу, предоставив принца самому себе. Будь карета цела — он забылся бы сном беспробудным, только вот она сломалась, и Уэйну теперь приходится гордо восседать верхом. Ему было решительно нечем заняться, как тут очень кстати подсобила их новый компаньон.

— Ваше Высочество, можно задать вопрос?

— Конечно, о чём поговорим сегодня? — полюбопытствовал Уэйн, поравнявшись с обладательницей пытливого ума. Такой разговор стал их ежедневной церемонией и обычно он касался политики и культуры Натры.

«Подумать только, ей всё ещё не надоело», — одновременно удивлялся и восхищался принц.

Поначалу он беспокоился, что Зено станет склонять его к какому-либо решению, но вскоре понял: девушка под видом юноши и правда интересовалась другими народами.

— К сожалению, я родилась в Мардене, выросла в Мардене и знаю только Марден. Даже если мы отобьём столицу, в большую политику меня не пустят. Мне несказанно повезло удостоиться толики мудрости Вашего Высочества, — объяснилась Зено.

Уэйн не возражал водить дружбу с новой спутницей, тем более что её неиссякаемый поток вопросов прекрасно развлекал принца в пути.

— Получается, Натра, оказавшись на перепутье между Западом и Востоком, вобрала в себя не только традиции в еде и архитектуре, но и в языке и этикете? — рассуждала девушка.

— Основатель страны родом с Запада, и первое время влияние было куда заметнее. Однако за последние лет сто мы сильно сблизились с Востоком и многое от них переняли.

— Разве перемены не грозят Вашему Высочеству?

Уэйн покачал головой.

— Я не придерживаюсь конкретной позиции. Кто-то преобразования ненавидит и хочет, чтобы всё оставалось как есть, кто-то же принимает их с распростёртыми объятиями. Обе позиции обоснованны.

— Но разве порой в политике не настаёт тот час, когда нужно выбрать, под чей флаг встать?

— Для такого решения необходима сильная опора. Защищаю ли я прежние обычаи, или же переворачиваю вверх дном — всё это значит лишь, что я получу больше силы. Не вижу здесь ничего предосудительного.

— Хотите сказать, что готовы ради этого обнажить меч?

— Непременно. Власть — это страсть. А без страсти невозможны изменения. Больше всего я боюсь, что свет нашей культуры тихо погаснет, не оставив после себя ничего.

— Понятно...

Кажется, какая-то мысль украла всё её внимание.

К Уэйну рысью подскакал Раклам.

— Ваше Высочество, прошу прощения, что мешаю, — ряд дел требует вашего неотложного внимания.

— Будь по-твоему. Зено, закончим на сегодня.

— Благодарю, что уделите время, Ваше Высочество, — поклонилась та и замедлила ход лошади, переместившись в заднюю часть делегации.

Пока принц разговаривал с подданным, взгляд Зено грозился проделать дыру в его плаще.

— О, рановато вы сегодня закончили, — обратилась к ней темноволосая девушка.

— А, госпожа Ниним. Вы тоже свободны?

— Мне всего-то нужно было проверить обоз.

Ниним и Зено. Фламийка под иным обликом и девушка в образе парня. Жизнь по разным причинам заставила их скрываться, но сдружиться это не помешало. Немало тому способствовал одинаковый возраст и тот факт, что они — единственные девушки на всю делегацию. Именно Ниним подтолкнула Зено заговорить с Уэйном, видя, что тот изнывает от скуки.

— Я многое почерпнула из слухов, но живое общение и его острый ум всё ещё вводят в трепет. Каждый новый разговор меняет моё представление о мире, — не скрывала своего восхищения Зено.

— Поэтому Его Высочество и снискал славу среди подданных, — удовлетворённо кивнула Ниним. — Кстати, госпожа Зено, помнится, я просила оставить между нами формальности.

— По-моему, я тоже говорила об этом.

— Несмотря на маскировку, вы по-прежнему представитель Армии освобождения. С моим статусом не позволительно обращаться с вами на «ты».

— Но разве не должно обращаться ко мне так же, как и ко всем остальным? Прикрытие здесь ни при чём. И ещё, вы придворный слуга Его Высочества — как мне обращаться к вам, если не как к госпоже?

Ниним задумалась.

— Даже если такой должности не существует?

— Я поняла, что вы пытаетесь сказать, но я буду обращаться к вам на «вы», пока вы делаете так же, — подмигнула Зено.

— Сдаётся, у меня нет выбора, — вздохнула Ниним и слегка кашлянула. — Перейдём на ты, Зено?

— Не имею возражений, Ниним.

Разные происхождение и цели не помешали девушкам поделиться улыбками.

— Кстати, а что значит должности не существует?

— Всё просто. Официально о ней никогда не объявлялось.

Зено слегка наморщила лоб.

— Как тебе известно, Натра — страна переселенцев, — продолжала Ниним, не отрывая от неё взгляда. — И чтобы сосредоточить и без того небольшую власть в руках правителя, пришлось отказаться от должностей, способных действовать от имени короля. Туда же относятся и придворный слуга с премьер-министром.

Все вокруг называли Ниним помощницей кронпринца, но официально она не более, чем доверенное лицо Уэйна. И это не единственная причина, по которой должности придворного слуги не существовало.

— Фламийцы ведь уже многие поколения служат королевскому дому Натры?

— Верно, — подтвердила Ниним.

— Теперь понятно, — понимающе кивнула Зено. — Иначе бы должность стала предметом борьбы между фламийцами и другими народами.

— В яблочко.

Королевские слуги денно и нощно находятся подле венценосной семьи. Многие хотели стать ближе ко двору, и потому осыпали вниманием и подарками Ниним. И это притом, что она фламийка. Если кто-то из знатного рода официально получит должность слуги, то в миг озолотится.

— Фламийский народ слаб настолько, что ему как воздух необходима королевская протекция. Но чрезмерно близкая дружба испугает дворян — они попытаются извести нас за одно только происхождение. Поэтому у меня нет ни ранга, ни звания.

— Зарубежные культуры не перестают удивлять. Какой же мир всё-таки разный. Я словно открыла его для себя заново, — восторженно вздохнула Зено.

Ниним пожала плечами.

— Раз уж речь зашла об исключительности, то с одной из них я как раз сейчас имею честь разговаривать.

— Одежда не считается, — бросила девушка, подёргивая лацкан.

Она проявила недюжинную решительность перед Уэйном, однако всё же имела собственное мнение на этот счёт.

— Немного мимо, — Ниним насмешливо улыбнулась. — Я к тому, что ты разговариваешь с фламийкой так же, как со всеми.

— А, Джива... мой дядя рассказывал мне. Поначалу я удивилась твоим чёрным волосам, но быстро поняла, что ты их покрасила.

— Но ты разве не последовательница Леветии?

— Есть люди, чьи дома разрушил Святейший синод, — мрачно ответила Зено.

Настал черёд Ниним понимающе кивать.

— Враг моего врага — мой друг?

— Можно было бы сказать и проще... В общем, мне незачем смотреть на тебя свысока.

— Рада слышать, — призналась Ниним от всего сердца.

Пока они беседовали, впереди поднялся шум. Девушки уже готовились к нападению, но то оказалось иное.

Авангард взобрался на холм. Уэйн, будучи среди них, окликнул оставшихся внизу.

— Ниним! Посмотри на это!

Та подстегнула лошадь, и Зено кинулась следом. Взлетев на вершину, они разом ахнули. За толстенной крепостной стеной, как на ладони, раскинулся величественный град, украшенный пестротой крыш самых разных цветов и оттенков. Столица Каваринского королевства — Тористория.

— Ни разу ещё его не видел. До чего красивый город, — поделился Уэйн мыслями, что сейчас вертелись в умах каждого.

— Вотчина одного из иерархов... Празднество Духа будет воистину грандиозным, — добавила Ниним.

— Вот бы мне перепало немного времени повеселиться, — помечтал принц вслух и развернулся к делегации: — Дамы и господа, мы уже почти на месте — не зевать!

Все тронулись в город.

* * *

— Я ждал вас, Ваше Высочество, — поприветствовал их Голоньех, дипломат, который доставил приглашение, у входа в Тористорию. — Мы приготовили вам комнаты. Пожалуйста, проходите.

В сопровождении Голоньеха Уэйн и его свита въехали в столицу. Тут же послышались вздохи восхищения.

Город издалека выглядел великолепно, но и вблизи не разочаровывал: дома стояли аккуратными, ровными рядами, не громоздясь друг на друга, а камень на широких мостовых

блестел от чистоты. Больше всего в глаза бросалась кипящая жизнь на улицах. Празднество Духа наступит только через несколько дней, а город его уже отмечал: куда ни глянь — всюду веселятся люди.

— Это что-то с чем-то, — произнёс Уэйн верхом, то и дело смотря по сторонам. — Город иерарха — не иначе.

Ниним подскакала к принцу.

— Будешь так глазеть — примут за деревенщину, — упрекнула она его шёпотом.

— Но я и есть деревенщина — из Натры же прибыл.

— И всё-таки держи себя в руках. Ты и без того на лошади сидишь, а не в карете.

— А, точно, западные аристократы не катаются же верхом.

Мимо них проехал экипаж. И беглого взгляда достаточно, чтобы понять — военный.

— Зено тоже упомянула об этом. Похоже, никто не шутил.

— Может, попросить Хагала выслать новую...

— Времени нет, как и выбора. Кстати, а где Зено сама?

— Сзади, чтобы не привлекать внимания.

Для марденского сопротивления Тористория — столица вражеского государства, его сердце. Все они прятались среди обоза, дабы избежать худшего — быть раскрытыми. И Уэйн понимал, откуда взялись их страхи.

— Ваше Высочество, а вот и особняк, — Голоньех указал на здание, сверкающее новизной. Точнее, правильной будет сказать снова сверкающее новизной. Невозможно построить новый дом за каких-то пару дней. Столичные власти под предлогом Консистерия изрядно постарались над фасадами зданий.

«Как же здорово быть богатым».

Столицу Натры же, Кодбэлл, можно назвать исторической достопримечательностью, дабы удобно избежать обвинений в ветхости и старости тамошних строений. Уэйн давно уже хотел привести всё это дело в порядок, но кошелёк наотрез отказывался ему помогать.

Пока принц с завистью глядел на изумрудный газон, вперёд выступил Раклам.

— Прошу прощения, господин Голоньех, но это здание слишком мало, чтобы вместить всех.

— Я ужасно извиняюсь. У нас очень много иных почётных гостей, и мы не в силах подобрать вам более подходящий дом. Мы подготовили номера в постоянных дворах, поэтому я должен попросить оставшуюся часть вашего сопровождения поселиться там.

Другими словами, все остальные изысканные дома заняли иерархи Святейшего синода и их свита.

Раклам начал уже краснеть от гнева, но Уэйн остановил его рукой.

— Я не против. К слову, господин Голоньех, смогу ли я встретиться с королём Ордаласом?

— Да, завтра, как мы и планировали.

— Что ж, пожалуй, тогда сегодня отдохнём. Раклам, разместишь всех по своим номерам в постоянных дворах. Ниним, на тебе багаж. После займёмся подготовкой к завтрашнему дню.

— Как будет угодно, Ваше Высочество.

Раздав указания, Уэйн вошёл в гостевую резиденцию.

Вечером в комнате особняка собрались четверо: Уэйн, Ниним, Раклам и Зено.

— Итак, завтра у меня аудиенция с местным королём. Раклам, отбери стражников — отправитесь со мной.

— Как прикажете! — поклонился капитан.

— Ниним, собери информацию об Ордаласе, о настроениях среди подданных и об отношениях с государевыми вельможами. Также надо бы узнать, где в городе расположился каждый из иерархов. Возьми столько людей, сколько потребуется.

— Слушаюсь.

Уэйн не исключал, что встреча с королём может закончиться далеко не на дружеской ноте, и хотел взять с собой и Раклама, и Ниним, но если девушку раскроют, то принц точно хлопот не оберётся. Поэтому он дал ей другое задание.

— Ну а что же ты, Зено? Пообещай оставить меч в ножнах и можешь пойти со мной.

Она не ответила. Её пустые глаза говорили, что девушка в глубоких раздумьях. Зено не сразу заметила на себе три выжидающих взгляда.

— П-прошу прощения... я бы хотела также заняться сбором информации.

— Быть посему. Идёшь под начало Ниним. На этом всё.

Трое поклонились. Зено и Раклам вышли.

— Не спускай глаз с Зено, — обратился принц к Ниним.

— Да, идея хорошая. Не напортачь завтра.

— Да брось. В крайнем случае возьму Ордаласа в заложники и сбегу.

Шутки шутками, но зная, что он и на такое способен, девушка натянуто улыбнулась.

* * *

Первый день празднества Духа настал, и Тористорию наводнила жизнь. Куда ни глянь — море ликующих людей. На улицах приезжие торговцы разбили бесконечные ряды прилавков, предлагая товары со всего запада; тут же поблизости в виртуозности состязались уличные циркачи, танцоры и прочие артисты всех мастей. Яблоку негде упасть. В глазах рябило от пестроты красок, а в воздухе смешались ароматы всевозможной еды и цветов. Благоухание последних напоминало о наступлении весны.

— Аж дух захватывает, — невольно произнёс Уэйн, глядя на праздник жизни из кареты. Чтобы доставить принца на встречу, за ним выслали экипаж.

— Видно, ближе к вечеру нас ждёт ещё выступление оркестра и парад, — добавил Раклам, сидя с ним на правах телохранителя.

— Парад? Из шкуры вон вылезу, но посмотрю на него хотя бы одним глазком.

— В таком случае ваша встреча должна пройти без сучка и задоринки... Но, Ваше Высочество, как бы всё ни обстояло, будьте готовы в любой момент бежать.

— Знаю. Рассчитываю на твой клинок.

Пока они разговаривали, карета доехала до самого внушительного замка города. Поскольку он принадлежал Святейшему синоду иерархов, здание украшала настенная иконография выдающихся мастеров. Внутри же гости обнаружили искуснейшую отделку, фрески на стенах и крыше, витражи, от которых льющиеся солнечные лучи приобретали самые невероятные цвета. Каждая деталь вызвала глубокий трепет и ощущение связи с неземным миром.

— Воистину... божественно.

Простолюдин Раклам не мог оценить всю искусность развернувшегося перед ними великолепия, но тоже замер, затаив дыхание.

— Это всё отрывки из учения Леветии: вот он проповедует; здесь братья и сёстры протягивают руку страждущим; а вон ангелы возвещают благую весть о Святом Лоране...

— Потрясающе, Ваше Высочество. Я могу только наслаждаться искусством, но не понимать его, — признался Раклам.

— Я на этом собаку съел. Сядь, между делом, за леветианскую библию, если мы и дальше будем укреплять отношения с Западом — знания оттуда тебе ещё не раз сослужат службу.

— Непременно, Ваше Высочество.

Королевский слуга уводил свиту Уэйна вглубь замка.

«Аж раздражает».

С самого входа каждый зал сиял роскошью безмерной. Ветхий дворец Натры, по сравнению с этим, годился разве что на роль сарая. Они ещё не встретились, но Уэйн уже ненавидел Ордаласа.

На другом конце коридора показалась группа знатных вельмож. Парень думал, что они просто пройдут мимо, как пожилой мужчина впереди вдруг остановился и встретился с ним взглядом.

— Так это вы особый гость из Натры?

Выглядел он как опытный вояка. И вояка этот явно не питал симпатии к юному принцу.

— Сколь мило с вашей стороны проделать такой долгий путь. Держу пари, деревенщинам не ведомо искусство — наслаждайтесь им, пока можете, — съязвил он и пошёл дальше.

Лицо сопровождающего мертвецки побелело — наверняка подумал, что головы ему теперь не

снести.

— В-ваше Высочество! П-простите скромного слугу, что те господа нанесли вам оскорбление!
— кланялся он в ноги.

Уэйн краем глаза провожал отдаляющегося военного.

— С кем это я имел удовольствие повстречаться?

— Его превосходительство Леверт — генерал, служащий государю уже многие годы...

— Генерал, значит? — пробубнил принц и шепнул Ракламу, стоящему позади: — Спокойствие. Ничего страшного.

— Как прикажете...

Рука капитана не просто лежала на рукояти меча — вцепилась в неё до белых костяшек.

— Глянь-ка на человека слева от Леверта, — тихо добавил Уэйн.

Раклам тут же сосредоточил всё внимание на одном из свиты генерала. Одежда того никак не стесняла, и тем не менее он прихрамывал.

— Командир разбойников получил рану в ту же ногу, на которую хромает сей господин.

— Не может быть...

— Вилами по воде писано, но запомни этот маленький факт.

— Конечно.

Договорив, юноша подозвал сопровождающего, и они пошли дальше.

Вскоре перед ними выросла исполинская дверь.

— Одну секундочку, пожалуйста.

Вельможа проскользнул внутрь, оставив Уэйна с остальными ждать снаружи. Картина рядом довольно быстро завоевала их внимание.

— Эта отличается от остальных... — поделился Раклам.

— Торговец и весы, — объяснил принц. — Здесь показано, как купец возложил на чашу весов все свои мирские добродетели, а после провалился в ад. Только вот...

— Что-то не так?

— Мрачновато для парадного входа в главный зал. Хотя тема довольно известная, и повесили сюда картину не случайно.

— И зачем же?

Но вельможа, возникший из двери, не дал услышать ответ.

— Всё готово, проходите, пожалуйста.

Настал момент истины. Уэйн обменялся взглядом с Ракламом и вошёл в зал, внимательно следя за окружением. Делегацию Натры встретили стража, подданные и вассалы королевства, сановники, придворные и человек на престоле. Его голову венчала усыпанная бриллиантами корона, а на плечах покоилась мантия из пурпурного бархата, подбитая горностаевым мехом. Но даже всё это великолепие не затмевало величественность и державность самого государя, а черты лица таили в себе груз ответственности за отечество, что он нёс вот уже многие годы. Каваринский король и один из иерархов Святейшего синода — Ордалас.

«Похоже, он...»

Принц не спеша пошёл к трону. В зале так и пахло настороженностью и неверием.

«Как и думал — мне здесь не рады».

Впрочем, он уже привык. И главная его цель — Ордалас, поскольку от него вообще никакой вражды не исходило.

Рассуждая в таком ключе, Уэйн остановился в десяти шагах от престола.

— Для меня честь встретиться с вами, король Ордалас. Я — наследный принц Натры, Уэйн Салема Арбалест. Выражаю глубочайшую признательность за приглашение в ваше...

Пока он был занят своим безупречным представлением, монарх вдруг вскочил, споро подошёл к принцу и взял того за руку.

— Ордалас, король Каварина. Спасибо, что проделали столь долгий путь и добро пожаловать.

— Что? Эм-м, конечно...

Даже Уэйна происходящее сбило с толку: чтобы правитель подошёл к гостю, взял за руку, да на глазах у всего высшего света... Парень подумал, что то — обыкновенная прихоть венценосца, но выражения лиц знати говорили об обратном.

— Спасибо, что откликнулись на просьбу. Искренне признаюсь: мне многое необходимо с вами обсудить, однако, — Ордалас понизил голос, — здесь слишком много ушей. Сменим место? Хочу познакомить вас кое с кем из иерархов. Идёмте же.

Последние слова он сказал уже на ходу. Личные слуги правителя переглянулись и засемили следом.

— Как нам поступить? — задался вопросом Раклам.

— Сдаётся мне, выбор у нас не велик.

Не сумев сходу прочесть короля, Уэйн пошёл вслед за ним.

Пока принц пребывал в тронном зале, Зено выжидала своего часа в тени аллеи.

Особняк, в саду которого пряталась девушка, размером и количеством охраны больше напоминал дворец.

Квартал знати, где находилась резиденция, располагался чуть поодаль от мещанских кварталов — праздничный шум сюда не долетал.

Зено прожигала взглядом только что подкатившую к главным воротам карету. Из неё вышел человек, больше напоминающий старое иссохшее дерево, — Голоньех. Глаза сверкнули, а рука потянулась к ножнам. Зено прикинула к земле, словно хищник, и затаила дыхание: Голоньех развернулся спиной — вот оно! — сейчас или...

— Не шевелись.

Зено и шага не успела ступить, как почувствовала холодное прикосновение стали к горлу.

Глаза девушки распахнулись от шока: откуда ни возьмись за её спиной очутилась Ниним.

— Я бы предпочла избежать трупов.

— Ниним?

— Если намерена исполнять мои приказы — отпусти меч.

Зено стиснула зубы. Голоньех дошёл до порога особняка — догнать его она уже не успеет. Хватка ослабла.

— Я предполагала, что ты выкинешь какую-нибудь глупость, но и подумать не могла, что это будет убийство высокопоставленного сановника среди бела дня.

Ниним убрала кинжал, и Зено развернулась.

— Не вставай...

— У тебя на пути? Ещё как встану.

Зено присоединилась к делегации Уэйна и не важно, преуспееет ли она в своих начинаниях или нет — принцу несдобровать. Ниним никак не могла стоять в стороне.

«А не этого ли она и добивалась?»

Между тем, взгляд Зено прожигал насквозь. В общих чертах причины понятны, но, похоже, это не просто часть плана по недопущению союза Натры и Каварина.

— Уходим. Если увидят, то проблем не оберёмся.

Зено готова была в любой момент направить на неё клинок, но всё же молча послушалась. Они вышли на улицы, где бродили обычные простолюдины. Досюда уже доносилось эхо праздника.

Ниним открыла дверь маленького невзрачного домишки и вошла внутрь.

— Где мы?

— Называй это шпионским логовом.

Она села на стул и предложила Зено поступить так же.

— Ты уверена, что его стоит мне показывать?

— Конечно нет. Но тебе нужно прийти в себя.

Девушка некоторое время сидела, молча вперив глаза в свои руки. Если присмотреться, можно обнаружить, что они дрожат.

— Когда Каварин... — заговорила наконец Зено. — Когда пришли известия, что Каварин вторгся в нашу страну, при дворе стоял хаос. Мы отправили всех солдат на Натру — конечно же мы паниковали. Однако остался ещё гарнизон. Он мог продержаться. Ему по силам было защищать Толитук, пока основные войска не вернуться! — Девушка сжала кулаки. — Но Голоньех, этот клятвопреступник, открыл ворота!

«А, так вот оно что», — осознала Ниним. Теперь она понимала ненависть Зено к Голоньеху, и как он занял нынешний пост. Марден и в самом деле пал под натиском Каварина слишком быстро. И предательство — тому причина.

— Если бы не он, отец бы!..

Девушка горько умолкла.

— Что случилось с твоей семьёй? — спросила Ниним как бы невзначай.

Вопрос привел Зено в чувство.

— А... т-точно. Их поглотил огонь войны...

Ответ показался Ниним странным, но расспрашивать дальше смысла не было. Необходимо более глубокое доверие и иная обстановка.

— Я понимаю твои чувства, — зашла она с другой стороны, — но не могу смотреть сквозь пальцы на попытки убить Голоньеха. Думаю, обращение к Святейшему синоду — идея получше, чем перерезать кому-то горло.

— Но это невозможно. Я всего лишь рядовой человек из свиты — мне путь к ногам сильных мира заказан.

— А не находишь ли ты, что приглашение Его Высочества может быть не связано с избранием в иерархи?

— По-твоему, у меня есть шанс?

— Так встретиться с ними уж куда вероятнее, нежели махать мечом.

Зено глубоко задумалась, закрыла глаза и горестно вздохнула.

— Хорошо. Есть ещё много вещей, которые нужно разузнать — буду сидеть тише воды.

— Чем окажешь мне добрую услугу.

Кажется, она больше не намеревалась лезть на рожон, но лучше лишний раз убедиться.

— Выходит, предательство... — пробубнила Ниним.

— О чём ты?

— Ничего. Интересно, что Уэйн бы на это сказал, — отмахнулась она с усмешкой.

Для Зено всё стало только запутаннее.

«Очень странно, всё очень странно».

Уэйн плёлся по коридорам за Ордаласом, увлечённо рассказывающим свите принца обо всех встреченных картинах и скульптурах. Внешне принц выказывал неподдельный интерес этикета ради, но в голове у него царил настоящий ураган.

«И приглашение, и радушный приём твердят о дружеских намерениях короля в отношении Натры. Приём даже слишком радушный. Всё, конечно, здорово, но нужно подумать о вещах и поважнее: почему Ордалас так мне рад? И вообще, сомневаюсь я в искренности его намерений».

То, что в пути их атаковали каваринцы — не более чем предположение принца. Может статься, нападавшие и впрямь были обыкновенными разбойниками, и никак не связаны с Каварином. Но так ли это?

Слишком мало информации. Каждая зацепка оказывается пустышкой.

— Принц Уэйн, — вырвал его из раздумий голос Ордаласа. Тот поднял взгляд. — Держу пари, ваша проницательность уже нашла ответ на вопрос, с какой целью я привёл вас сюда, — торжественно заговорил государь.

— Пока только теряюсь в догадках.

— Не извольте беспокоиться. Уверен, вы найдёте эту новость весьма хорошей.

Ордалас остановился перед одинокой дверью.

— Вы хотите меня кому-то представить?

— Верно.

Уэйн догадывался, а точнее, не сомневался: этот кто-то один из семи членов Святейшего синода. Его слишком вовремя пригласили, чтобы это было не так. Наверняка за дверью сидит близкий знакомый короля.

«Видно, меня ждёт весьма приятная беседа. Неужто речь пойдёт о дружбе с Натрой?»

Не стоит списывать со счетов и охоту за золотым рудником. Западу выгоднее объединиться и работать сообща. Так можно получить больше прибыли от торговых отношений с Натрой.

«Так и быть, куплюсь. Однако... — Уэйн не знал, один или два иерарха встретят его, но не сомневался — испытания не избежать. — Если они думают, что я простак, то жестоко поплатятся. Я всех перехитрю!»

И вот дверь перед сгорающим от нетерпения Уэйном отворилась. Он и Ордалас вошли внутрь. Охрана расступилась.

Один, два, три, четыре, пять, шесть...

«Что-то как-то многовато».

Вместе с патриархом в Святейший синод входит семь человек. И с Ордаласом их как раз столько и набирается. До чего забавное совпадение.

«Так-так-так! Одну минуту!..»

— Позвольте мне всех представить.

Похоже, принц только что заработал нервный тик на лице.

— Перед вами первосвященники учения Леветии, его надежда и опора, иерархи Святейшего

синода, прибывшие в Каварин на Консистерий.

«СТОЯ-Я-ЯТЬ! — глаза Уэйна чуть ли из орбит уже не лезли. — Да ты шутишь! Совсем ополоумел?! В голове не укладывается, что ты притащил меня сюда без предупреждения! О чём ты только думал?!»

Святейший синод в полном составе образует Консистерий — важнейший международный совет на всей западной части континента. Всего один иерарх имеет воистину безумную власть и влияние. И теперь кронпринц крохотной захудалой страны с севера стоял перед всеми ними разом. Действительность превзошла всякие ожидания.

— Что это значит?

— Мы уж решили, что не дождёмся тебя... Зачем здесь принц Уэйн?

«Они что, тоже не знают?!» — парень уже начинал злиться.

Их ворчание говорило, что всё дело рук одного Ордаласа.

«Не обхитрил ли он всех, устроив случайное знакомство? Нет. Исключено».

Напрасно Уэйн отчаянно искал выход: инициативу он уже упустил.

— Как собравший всех вас, я хочу выступить с предложением, — заговорил Ордалас, когда напряжение достигло предела. — Я выдвигаю Уэйна Салема Арбалеста в иерархи Святейшего синода!

«ЧЕГО-О-О?!»

Комната погрузилась в хаос.

* * *

Даже буйство праздника с заходом солнца заканчивается. Об этом Ниним могла судить, не выходя из гостевого особняка. Перед ней на столе лежал лист с результатами разведки. Помимо её собственных наблюдений, он содержал информацию о каждом районе города, которую предоставили прочие члены делегации. Собрать всё воедино и было работой Ниним, но кое-что не давало ей покоя — Уэйн ещё не вернулся.

«Из замка до сих пор нет вестей».

Возможно, взвинчена она уж слишком сильно, но осознание этого факта её не успокаивало. Беспокойство даже нашло отражение в её работе: Ниним невольно написала на бумаге имя Уэйна.

«Без него и Раклама мне нельзя покидать это место... Аргх, ну что за наказание!»

Девушка злобно уставилась в потолок, как вдруг с улицы донесся стук копыт. Ниним выскочила из комнаты и, промчавшись через коридор, выбежала в гостевой зал, где уже стоял Уэйн со свитой.

— О, встречаешь? Благодарю.

Он жив. Цел и невредим. Успокоившись, она поклонилась, как и подобает слуге.

— С возвращением, Ваше Высочество. Рада видеть вас в добром здравии.

— Более или менее. Хотя всё вообще пошло не по плану.

— О чём вы?

— Как бы получше сказать... случилось нечто за пределами моего воображения. В общем, позже поговорим. Раклам, хорошая работа. Остальное на тебе.

— Будет исполнено.

Капитан отошёл, на ходу раздавая приказы.

Ниним взглядом проводила его, догнала Уэйна, и они вместе вернулись в комнату.

— А-А-А! КАКОГО ЧЁРТА?! — заорал принц, как только двери за ним захлопнулись. — Чтоб вам всем провалиться! Дайте передохнуть! — застонал он под конец.

Всё как всегда, хотя Уэйн и кричал в этот раз чуть отчаяннее.

— Что же случилось? — спросила Ниним.

— Ордалас выдвинул меня в кандидаты на пост иерарха Святейшего синода, — бросил парень с нескрываемым возмущением.

— Что?

Уэйн так просто это сказал, что ей потребовалось время осмыслить. Вскоре смятение сменил шок.

— Ты, верно, шутишь?

— Серьёзен, как никогда... — протянул парень, падая на спинку дивана. Изнурённый вид явно указывал на серьёзность его слов.

— У меня уйма вопросов, но давай начнём с требований к иерарху. Во-первых, ты должен быть верующим, а лучше проповедующим леветианство. Во-вторых, необходимо заслужить одобрение остальных из Святейшего синода. В-третьих, нужно пожертвовать значительную сумму денег. И, наконец, в-четвёртых, в жилах кандидата должна течь кровь Леветии или его апостолов. Не удовлетворив все требования, стать иерархом невозможно. Исключений нет. Ты по многим из них подходишь, но...

— Честно, я уже всё выполнил.

Родословная так вообще никогда не была проблемой — едва ли кто усомнился бы в происхождении королевской семьи Натры. Может и на словах, но Уэйн служил учению Леветии. Важно иметь влиятельную сторону, опору, и церковь весьма успешно играла эту роль. В то же время Натра — страна переселенцев и представляет собой сплав всевозможных культур и верований. В таких условиях религиозному течению не менее важно иметь сильного союзника, который бы помог в «битве» за прихожан. Большинство представителей королевского дома придерживались леветианства, что и роднило их с Западом с самого основания государства. Поворот к Востоку же нарушил равновесие.

Ниним понимала всё, кроме одного.

— Но ты ни разу не жертвовал им огромные суммы денег и не строил храмов.

Такая нищая страна, как Натра, никак не могла предложить что-нибудь впечатляющее. К тому же открытая поддержка одной религии грозила вылиться в проблемы с другими конфессиями.

— Я тоже так думал, но Ордалас выкинул тот ещё ход конём.

— И какой же?

— Он объявил, что наша с Каварином война против Мардена — крестовый поход, цель которого — освободить последователей Леветии от тирании. Мол, это уже достойный вклад.

Ниним встала как вкопанная. Она привыкла слушать пустой трёп принца, но это нечто куда большее.

— И они повелись? — с опаской спросила девушка.

— Как минимум сочли убедительным. Но ещё остался вопрос, примут ли меня сами иерархи.

В Святейший синод входят могущественнейшие последователи учения Леветии. С их отмашки белое может превратиться в чёрное. Уэйну осталось лишь заполнить большинство голосов, а с ними примут и его вклад в леветианство.

— И что они ответили?

— Пока отложили.

Предложение стало как гром среди ясного неба и для Уэйна, и для Святейшего синода — разумеется, принять решение в таких условиях невозможно.

— И тем не менее я удивлён: думал, откажут без раздумий и дело с концом.

— Тоже так решила.

Консисторий и празднество Духа продлятся ещё два дня. Это значит, сейчас они всё обдумают и вернутся со своим планом игры.

— И что думаешь? Примкнёшь к Святейшему синоду?

— Это принесёт свои плоды, — заметил Уэйн. — Если стану одним из них, то Ордалас подсобит избавиться от пресловутого закона замкнутого круга.

Леветия странствовал по Варно в поисках способа изгнания демонов, что чинили вражду между людьми, и даровал божье благословение ступившим на стезю добродетели. Путь, проделанный им, стал маршрутом для паломников со всего света.

С развитием цивилизации число паломников всё множилось и, возвращаясь с Востока, они несли за собой его обычаи и верования. Патриарх испугался потерять влияние и, сговорившись с высшими духовными лицами, провозгласил закон Замкнутого круга. Призванный защитить последователей Леветии от восточных варваров, он иначе толковал священное писание: теперь верующие обязаны были проводить паломничество только на западной части континента.

— Это стало бы... историческим событием, — прокомментировала Ниним.

Король Салема, основывая Натру, полагал, что страна займёт место связующего звена между Востоком и Западом. Однако паломничество — путешествие долгое и чревато разными

напастями. Будь дорога безопаснее — желающих было бы куда больше. А закон Замкнутого круга свёл на нет поток приезжих на добрую сотню лет.

— Ещё каким. В Натру деньги рекой потекут.

— Как слуга я полностью поддерживаю это решение, — поделилась Ниним. — Но как фламийка — тревожусь.

Леветианство ущемляло фламийцев. Венценосная семья Натры придерживалась этого учения, но никогда не выступала из-за него против людей с белоснежными волосами, благодаря чему им и удалось договориться. Ниним не сомневалась: её народ воспротивится, если Уэйн станет частью Святейшего синода.

— А может... — Она чуть поколебалась и заговорила как слуга: — Может, войти в синод стоит того, чтобы отбросить фламийцев?

— Твой народ поддерживал нас сотни лет — ты правда думаешь, что я сделаю это?

— Коли таков долг регента, — ответила Ниним.

Не секрет, что Уэйн питает к ней самые тёплые чувства. Но она не хочет, чтобы принц поступался интересами государства ради одной фламийки.

— Обмозгуем, когда я войду в Святейший синод, а пока позови Зено и Раклама — послушаем доклады и решим, что делать дальше.

— Будет исполнено.

Ниним вышла и вскоре привела нужных принцу людей.

— Прошу прощения за ожидание, Ваше Высочество.

В присутствии прочих она вела себя как должно слуге. Но Ниним не покидало беспокойство за Зено. Лицо той было мертвецки белым.

— Это правда? Король Ордалас выдвинул вас в Святейший синод? — спросила она дрожащим голосом. Должно быть, боялась за судьбу сопротивления — согласись принц, и союз Каварина и Натры неизбежен, а дни марденских войск будут сочтены.

— Правда, — ответил Уэйн спокойно, повернувшись к ней, — но вопрос ещё не решён.

— Значит ли это, что вы будете добиваться статуса иерарха?

— Да. Членство в синоде сулит большую выгоду.

Ниним и Раклам уже мысленно готовились, что сейчас что-то произойдёт.

— В таком случае, мы...

— Постой, вперёд коня-то не лезь, — перебил её принц. — В подобных вещах всегда кроется подвох: надо узнать, с какой стати Ордалас выдвинул меня на сей пост. И вот тогда решение принимать. Может, вообще откажусь. Вместе с тем, — продолжал он, — я намерен провести встречи и заручиться поддержкой иерархов вне зависимости от мотивов каваринского монарха.

«Твоё будущее в твоих руках».

Зено мучилась в раздумьях недолго.

— Хорошо. Благодарю за великодушие, Ваше Высочество.

— Итак, Ниним, что у тебя за сегодня?

Та достала отчёт.

— Репутация короля Ордаласа среди горожан высокая. Он один из самых влиятельных членов Святейшего синода и пользуется большим уважением, но в последнее время отдалился от придворных сановников и феодалов.

Зено кивнула.

— У меня в основном то же самое. Генерал Леверт, к примеру, не согласен с его ведением государственных дел.

«Ага, это с ним я столкнулся в замке», — вспомнил Уэйн.

— Узнали, почему?

— В первую очередь из-за отношения короля к праву наследования по крови.

— Право крови? Вряд ли он чем-либо удивит.

Досталось ли это свойство человеку от животного мира или нет, но относился он к своему чаду с особым трепетом. Поэтому-то в прошлом и настоящем, на Западе и на Востоке, стар и млад ценили родословную.

Власть имущие считали кровь даже чем-то священным. На то имелось множество причин: как минимум притязание на наследство. Верно и обратное: попрание неприкасаемости крови равносильно отказу от имени и права на преемство.

Особенно происхождение было важно для первенцев знатных домов. Они ни за что бы не позволили унаследовать богатство, копившееся долгие годы, талантливому, но безродному. Бывало даже, что в огне междоусобицы сжигалось то, ради чего поднимался меч.

Так зародилась общепринятая система наследования. К примеру, в Эсвальдской империи сейчас за корону боролись лишь четверо, потому что в их жилах текла королевская кровь. Если бы в борьбу мог вступить любой бродяга, восточная часть континента давно бы уже превратилась в преисподнюю.

— Правда, король Ордалас впадает в крайности, — согласилась Зено. — Доходит до того, что он назначает на высшие посты совершенно неспособных подданных. Также король по-разному относится к разным слоям общества: если средние сословия он ещё особо не трогает, то бедных и рабов за людей не держит. Когда перед празднеством Тористорию приводили в порядок, всех нищих силой выгнали из города. Ещё я слышала о некой «охоте»: выпускают раба, а потом устраивают травлю и убивают.

— Понятно... — кивнул Уэйн. — Но вернёмся к Леверту. Он управляет войсками?

— Да. Но при этом господин Леверт — противоположность своего сюзерена: ставит заслуги на первое место и презирает авторитет по праву рождения. Он верит, что высокого ранга нужно добиваться кровью и потом. Скорее всего, поэтому генерала так любит народ.

— Господин Леверт якобы выступил против мира с Натрой, — добавила Ниним, — и неоднократно требовал взять рудник несмотря на то, что они ещё не расправились с Армией освобождения.

Было бы высшей благодатью найти человека идейно где-то посередине между Ордаласом и Левертом, но не всё складывается, как хочется.

— На этом пока что всё. Мы определили места проживания иерархов в городе — пожалуйста, взгляните позднее.

— Славная работа, — похвалил Уэйн. — А теперь что касается завтра. Трое из синода согласились встретиться со мной. Зено, не составишь компанию?

— Как вам будет угодно.

— Раклам, Ниним, соберите больше информации: не хотелось бы на встречах с иерархами столкнуться с неприятностями.

— Слушаюсь, — отчеканил капитан. — Надеюсь, стража справится с возможными напастями.

— Отбери тех, кому больше всего доверяешь.

Раклам поклонился.

— Ниним, копни-ка ещё под Леверта. Не ровен час, его люди нападут на нас.

— Будет исполнено.

— На этом всё. Завтра ещё один тяжёлый день — отдохните как следует.

— Как прикажете.

Все трое покинули комнату.

— Интересно, чем же завтра дела обернутся? — произнёс Уэйн, уже в одиночестве размышляя о грядущей встрече с иерархами.

* * *

И вот настал второй день празднества Духа. Всё, что хотя бы отдалённо напоминало площадь, превратили в сцены для спектаклей и увеселительных состязаний. Среди них затесался даже шуточный рыцарский турнир. Наверняка зрители пребывали в полном восторге, жаль только Уэйн не мог насладиться праздником.

— Прошу прощения за ожидание. Пожалуйста, проходите, — поприветствовал их слуга.

Уэйн, а за ним Зено и эскорт вошли в особняк. Он был куда больше, чем казалось на первый взгляд, а убранство отдавало стариной.

Впрочем, так и должно быть, ведь здесь остановился иерарх Святейшего синода.

— Благодарю за приглашение, король Грюйер, — поклонился Уэйн человеку, сидящему в центре приёмного зала.

— Добро пожаловать, юный принц Натры, — надменно улыбнулся тот.

Тем временем Ниним занималась разведкой и снова, как и вчера, бродила среди домов и резиденций квартала знати. Ей не составило труда выяснить, где проживал Леверт.

— Всё это хорошо, но уж больно много здесь патрулей.

Девушка издали наблюдала за дворцом, скрываясь в тени переулка. Она хотела бы подойти поближе, но рисковала попасться в руки врагу.

Пока Ниним ломала голову, к ней сзади подошёл человек.

— Вот вы где.

То был Раклам. Временно освобождённый от обязанностей главы стражи, он теперь выглядел как обыкновенный прохожий.

— Что у вас? — спросила она. Они разделили работу: Ниним следила за Левертом, а Раклам изучал окрестности.

Тот покачал головой.

— Ничего стоящего. Сдаётся, Леверт держит своих ребят на коротком поводке. А у вас как?

— Очень много охраны — не подобраться. Вот бы какую-нибудь лазейку...

Внезапно перед ними прокатилась карета и остановилась прямо напротив входа в особняк Леверта. И вышел оттуда...

— Голоньех?

Это точно он, вассал, сменивший марденское подданство на каваринское, тот, кого Зено презирала за предательство.

— Свезло, что господин Зено не с нами, только... Во встрече вельмож нет ничего странного, но пахнет всё равно скверно.

— Следите по сторонам. Не знаю как, но мы должны попробовать.

Ниним сложила маленькую подозрную трубу, убрала её в карман и беззвучно кинулась к

деревьям. Весна ещё ранняя — листьев на их кроне немного, но праздничные украшения тоже неплохо укрывали.

— А теперь...

Лазутчица снова достала подзорную трубу и устремила её на особняк Леверта. Вскоре, как по заказу, в одном из окон появился его хозяин, а затем и сам Голоньех. Они говорили. Ниним ничего не слышала, но пыталась читать по губам.

— Как и велели... план... здания...

«Кажется, Голоньех и Леверт сговорились, и последний, похоже, главный», — собирала она картину воедино из обрывков.

— Твоё... предательство... короля...

Генерал горячился и всё труднее было разобрать его слова. Но даже те немногие, что удалось, повергли Ниним в шок.

— Натра падёт... без принца?

Сердце сковало плохое предчувствие. Они явно говорили о том, кто ей дорог. Теперь нельзя пропускать ни слова...

— Сюда идут люди — нужно скорее уходить.

Она со стоном оглянулась и обнаружила группу прохожих. Начнут расспрашивать — быть беде, уже не говоря о том, что раскроют её маскировку.

Не медля ни секунды, девушка спрыгнула с дерева. Теперь главное — вернуться с тем, что они узнали. Кивнув друг другу, Ниним и Раклам бросились бежать.

Грюйер Солджест — король Солджестского королевства и иерарх Святейшего синода. Уэйн мало что знал о нём. Страна далёкая, да и сеть фламийцев из-за гонений не могла в полной мере работать на западе. Принц лишь знал, что Грюйер блестящий стратег, не отягощённый предубеждениями. Ему служили множество милашек, и, что самое главное...

«Слухи не врали — жирдяй, каких поискать».

Тучный; очень и очень толстый. При их первой встрече на вчерашнем собрании Уэйн не успел оценить Грюйера полностью, но теперь он предстал во всей «красе». Чтобы его обхватить,

потребуется несколько человек, а напоминал король здоровенный булыжник. Одежда, явно пошитая на заказ из дорогущих тканей, всё равно тянулась так, что, казалось, вот-вот разорвётся. Сплетни о самом ненасытном обжоре доходили даже до Натры.

— Держу пари, вы сейчас думаете, какой же я толстый?

— Что? Да я никогда бы... — встревожился принц, как Грюйер прочёл его мысли.

Тот кивнул и грубо рассмеялся.

— Пожалуйста, не извольте беспокоиться. Все так думают при встрече со мной, — объяснил король и съел фрукт, что поднесла одна из прислужниц. Девушкам требовались обе руки, чтобы держать его, но их господину хватало нескольких пальцев. — И тем не менее полнота меня не смущает. Монархам и знати должно отличаться от простолюдинов. Нам по силам делать всё, что вздумается, и роль наслаждаться изысками мира сего я исполняю в полной мере.

— Так вот почему...

Неудивительно, что у него такое телосложение.

— Ох, не поймите неправильно, — покачал головой Грюйер. — Еда для меня лишь средство достижения цели.

— Простите?

— Что вам первым приходит на ум, когда задумываетесь о роскоши?

Уэйн задумался, но не о том, как ответить, а о том, сказать ли правду. В итоге он решил говорить честно.

— Красиво одеваться, пробовать изысканные яства, спать с хорошими девицами сколько душе угодно.

Грюйер кивнул.

— Я чувствую молодецкий задор в ваших словах, и он греет мне сердце. Я всё время упивался наслаждениями, но однажды меня вдруг осенило: будь у простолюдина деньги, он бы тоже утопал в удовольствии.

«И наоборот: не будь у королевской семьи денег, наслаждения были бы для них заказаны», —

добавил Уэйн про себя.

— В тот момент судьба свела меня с одним выдающимся мечником. Гибкий и резкий, он был просто великолепен. Однако я загорелся другой идеей: стремиться быть ему полной противоположностью, — Король поднял жирный, опухший палец. — Я уже не могу без посторонней помощи ни стоять, и ни упиваться наслаждениями, но меня устраивает моё жалкое состояние. Разрушать себя и доставлять неудобства при этом остальным — вот та роскошь, к которой я стремлюсь.

Уэйн понимал, что хотел сказать Грюйер, но не понимал, к чему тот ведёт. Своё возмущение, конечно же, парень никогда не выкажет.

— А вот мой личный врач, должно быть, жалуется, что остался без головы.

— Личный врач?

Вместе с раскатистым хохотом Грюйер хлопнул себя по животу, да так, будто по барабану ударил.

— Лекари мечутся в страхе и молят меня пощадить своё здоровье. Всем доподлинно известно, что я зашёл уж слишком далеко, но мне всего-то нужны еда, воля и вера в бога.

— Вера, значит... Благочестивы, как и всякий иерарх. Надеюсь однажды заслужить честь помолиться рядом с вами.

Уэйн добрался до сути своего приезда, и губы короля изогнулись в улыбке; не нашлось в ней места теплу и радушию — лишь острому уму и хитрости.

— Принц Уэйн, ваше тело, может, и обделено желаниями, но я вижу, как вы держите в себе необузданного зверя.

— И что бы это значило?

— Не стоит беспокоиться. Мне нравятся алчные люди, а ваш молодой талант делает всё только интереснее. Рад оказаться первым из иерархов, которых вы надумали посетить. Я поддерживаю вашу кандидатуру в Святейший синод.

— Премного благодарен.

Сейчас в синод входит семь иерархов. Вместе с Ордаласом его теперь поддерживают двое. Ещё столько же и Уэйн получит высокий статус, однако...

— Чуть не забыл.

«Как знал».

Едва ли Грюйер поддержал бы Уэйна, не получив ничего взамен. Сам же принц не имел ни малейшего понятия, что тот скажет дальше.

— Как насчёт бросить Ордаласа и примкнуть ко мне?

— Что? — оторопел юноша от такого предложения.

— Не знаю, какая у вас там сделка, но этот парень на грани. Цель его нападения на Марден — золотой рудник; и затеял он войну, дабы вернуть былой успех среди народа и дворянства. А чтобы синод не гневался, пообещал часть прибыли. Всё бы ничего, да только шахта у вас, а не у него, и сопротивление он всё ещё не подавил. Конец Ордаласа явно не за горами.

— Какой сюрприз... — отпустил Уэйн тихий комментарий, прочно откладывая у себя в голове новую информацию. Грюйер обмолвился всего ничего, но в то же время поведал невероятно много.

— Можно сказать, корабль идёт ко дну, и это не укрылось от приближённых Ордаласа. С ним вы звёзд с неба не достанете — лучше отдалиться, пока не поздно.

— Стало быть, с вами такого не произойдёт?

— По крайней мере, тонуть будем не так быстро.

Уэйн никак не мог взять в толк, о чём думал этот не в меру упитанный король — не полюбился же он ему так резко. Но даже так, в чём выгода для Грюйера?

«Дьявол побери все ваши хитрости...»

Шёл уже второй день празднества Духа — времени осталось мало. Однако шанс упускать нельзя.

— Я благодарен за оказанную благосклонность и предложение, но такие решения неверно принимать впопыхах. Надеюсь на ваше понимание.

— Смотреть, как тяжёлые думы гложут юные умы, доставляет мне особое удовольствие. Берите столько времени, сколько потребуется, но ответ извольте держать завтра на Консистории, — предупредил Грюйер с широчайшей улыбкой.

«Вот гад», — цыкнул про себя Уэйн.

— Что же, поговорили мы изрядно, и я бы хотел сейчас уединиться. Полагаю, я не единственный, с кем вы сегодня намерены встретиться.

— Ещё предстоит увидеться с герцогом Лоззо и Кардмелией, префектом Апостольской курии.

— Его светлость художник и любовница Божья? — ухмыльнулся Грюйер. — Пожалуй, они единственные чудачки, помимо меня, что безрассудно пошли бы вам навстречу. Не теряйте бдительности, юный принц, ибо первый не от мира сего, а вторая — падшая душа.

Парень усмехнулся.

— Благодарю за совет.

Грюйер кивнул и повернулся к еде, ясно давая понять, что разговор окончен.

— Могу я задать вам ещё один вопрос? — потревожил его Уэйн.

— Да? Какой?

— Что вы думаете о Мардене, стране, что пала под натиском Каварина?

Стоявшая сзади Зено невольно вздрогнула.

Грюйер же удивился — об этом говорил его изучающий взгляд, вперившийся в принца. Но в итоге он лишь пожал плечами, хотя с настолько заплывшей жиром шеей ему это едва удалось сделать.

— Если коротко, он мне безынтересен. Эта страна всё время шла к собственному краху, а потеряв рудник, мигом обернулась руинами.

— Но Армия освобождения всё ещё держится.

— Шайка вздорных дураков, что оттягивает бесславную кончину родины, уже упустив шанс её вернуть. Их разгром — дело времени, — язвительно отозвался король. Он к ним полностью равнодушен, а значит и оценка справедлива настолько, насколько только можно представить.

— Не знаю, почему они не дают вам покоя, но у вас определённо есть вещи поважнее. Смотрите вперёд.

— Вы правы. Благодарю за оказанное внимание, король Грюйер.

Уэйн поклонился и вышел из особняка.

* * *

— Зено? — спросил принц понурившуюся девушку уже в карете, когда они направлялись к следующему иерарху. — Не скажу, чтобы ты не терзалась словами Грюйера, но запомни их. Вряд ли прочие из синода думают так же.

— Да... — вымучила она ответ. — Шанс и время... Да, у меня было такое... или должно было быть... и я... — Зено перешла на жалостливый бубнёж и стихла.

Уэйн посмотрел на неё и не стал вмешиваться. У него и без того гора вопросов, которые необходимо разрешить. Меньшее, что он мог сделать, — верить, что следующий иерарх принесёт хорошие вести.

Стил Лоззо — герцог одного из крупнейших западных государств, королевства Ванхелио. Довольно молод — двадцать с лишним лет. Талантливый политик, гений пера и мастер клинка, а благодаря безупречной внешности очаровывает всех придворных дам. Покровительством искусству Лоззо снискал себе известность, и в его земли съезжалось множество художников со всего континента. Казалось бы, сиятельный молодой аристократ, но ореол славы дворянина омрачали недобрые слухи, преследовавшие герцога по пятам.

— Для меня честь познакомиться с вами, Ваше Высочество. Мы уже встречались ранее, но представиться как подобает случай выпал только сегодня, — поприветствовал Стил гостя тёплой улыбкой и рукопожатием.

— Как и для меня, герцог Лоззо. О меценатстве его светлости художника слышно даже из Натры.

— Ха-ха-ха! В таком случае с моей стороны будет упущением не упомянуть, как восхищаются вашей храбростью в Ванхелио. Многих художников, коим я благоволю, вдохновили байки и песни менестрелей о том, как Ваше Высочество лихо одолели превосходящий вас Марден. Они сейчас с жаром пишат картины — я обязательно вышлю вам несколько работ по их завершении.

— Как любезно, хотя, стоит признать, немного даже смущает.

— Ха-ха-ха, такова судьба всех героев — быть запечатлёнными на радость потомкам.

Они общались будто закадычные друзья. Возможно потому, что были ровесниками.

— Герцог Лоззо, я всегда задавался вопросом: почему вы благоволите искусству?

Эпоха стояла такая, что голодная смерть была вещью обыденной. Как же творцам и поэтам заработать на хлеб насущный, не предлагая плода труда мирского? Ответ: идти рука об руку с вершителями судеб. Власть имущие во все времена жаждали не только вина и зрелищ, но и чего-то возвышенного, и искусство — то самое средство, что способно утолить этот голод. Вот почему аристократы часто давали кров талантливым художникам и скульпторам. Но Стил пошёл куда дальше. Его владения приютили столько мастеров искусства, что кажется, будто их в стране уже больше, чем простых граждан.

— Почему? Скажем, я искатель.

— И что же вы ищете?

— Вдохновение, что заставило бы меня взять в руки кисть.

«Что за бред?» — не уловил Уэйн мысль.

— Лишь столкнувшись с чем-либо, человек тянется творить, — начал Стил с ноткой драматичности. — И потянуть его может всё, что душе угодно: сцена для танцора, перо для писателя, инструмент для музыканта и холст для живописца. Вдохновение — начало искусства.

— Раэль, художник, всколыхнувший мир двести лет назад.

— Так вы знаете? — повеселел герцог. — Верно, это его слова о корнях искусства, и пусть они несколько поэтичны, в них я открыл для себя новую истину.

— И какую же?

— Художника можно сотворить.

Уэйну потребовалось время осмыслить сказанное. Если вдохновение рождает творца, то почему бы его не вызвать рукотворно?

— Я ещё больше погрузился в вопрос вдохновения и пришёл к выводу, что его порождают две составляющие.

— И какие же?

— Первая — чувство удовлетворения от достигнутой цели. Я давал своим подопечным задания, а когда они справлялись с ними, с вдохновлённым рвением создавали скульптуры, картины, песни. О, как же трепетало моё сердце даже при беглом взгляде на эти шедевры! — Стил, точно в пьяном бреду, окунулся в воспоминания. — В награду я давал всё, чего только душа ни просила: золото, красоты девственной природы, прекрасных и послушных жён... Это стало

толчком для преодоления следующего испытания; творцы стремились к ещё большему свершениям!

— Ага... понятно. Но что же вторая составляющая?

Столкнувшись с необузданным пылом собеседника, Уэйн решил поскорее свернуть разговор в деловое русло, но тут же пожалел о содеянном.

— Утрата.

Человек перед ним преобразился за считанное мгновение: в глазах погас задорный блеск — осталась лишь бездонная тьма.

— Боль и утрата — вот что меняет сердца.

В голове принца возник ужасный вопрос.

— Неужто вы и эту составляющую проверяли?

«И кто меня только за язык тянул?!»

— Я топтал ценности, что дороже человеческой жизни, — с лёгкостью отвечал Стил, — сжигал дотла родные места, убивал жён и детей, ждущих возвращения своих мужей и отцов — и всё это на глазах у деятелей искусств. Знаете, те из них, кто видел смерть вживую, создали лучшие труды. А что, по-вашему, стало с теми, кто проклинал меня из мести и осознания собственного бессилия, когда я вручил им холст и кисти? Они сорвали с себя скальп, кровью и плотью исписали холсты, а после вскрыли горло кистями. Это было воистину... вдохновляюще.

Уэйн слышал, что Стил Лоззо убивал невинных забавы ради, и вот оно доказательство. Металлический запах крови от сплетен вокруг него исходил неспроста.

Между тем «искатель» не останавливался:

— Я всю жизнь мечтал стать художником, но ничто не вдохновляло меня — и лишь в рукотворных творениях я находил себе утешение.

— Поэтому вы и увлеклись меценатством?

— Я вынуждаю их соревноваться друг с другом, дарю вдохновение, а взамен надеюсь, что однажды чья-то из их работ заставит меня творить. Такова моя цель. Крохотный вопрос, как итог всему: что думаете?

— Даже не знаю... Пожалуй, звучит впечатляюще, — осторожно ответил Уэйн.

Стил сжал его руку.

— До чего чудесно... Прочие отрекались от подобных разговоров, но не вы. Как знал, в вас есть задатки истинного творца.

Принц чуть ли не спросил, комплимент ли это, но вовремя сдержался.

— Я поддержу вашу кандидатуру в Святейший синод. Нынешние иерархи ничего не смыслят в искусстве, но мы с вами это изменим. Культура станет одним из главных столпов Запада! — провозгласил Стил, но тут же ахнул. — Простите мне моё возбуждение — я так давно не общался с тем, кто бы меня понимал.

— О, не стоит беспокоиться. Ваша поддержка многое для меня значит.

Герцог утвердительно кивнул.

— Сколь бы мне ни хотелось, я не стану отнимать время у Вашего Высочества и дальше. Предлагаю закончить. Обязательно приходите, когда вам будет угодно.

—Я ценю вашу доброту, Герцог Лоззо. Спасибо вам большое.

Уэйн и Стил пожали руки.

* * *

«Да у парня крыша поехала... — вернувшись в карету принц испустил протяжный вздох облегчения, что вернулся оттуда невредимым. — Объединиться? С ним? За что мне такое...»

Уэйн глянул на Зено. Та снова сидела вся бледная, как призрак, но уже из-за отвратного характера Стила.

— Прости, я не смог спросить про Армию освобождения.

— А, ничего... Готова поспорить... В смысле, уверена, мы для него пустое место.

Принц молча согласился. Соппротивление не группа художников, скульпторов и композиторов — вряд ли найдётся хоть единственный шанс, что Стил ими заинтересуется. Но даже если бы и нашёлся, то марденский принц сам бы их не отпустил.

И тем не менее это болезненный удар для Зено: шанс вернуть Марден угасал. Если сплетни о последнем иерархе не лгали, то ничего хорошего ожидать не приходится.

«Хоть бы слухи оказались просто слухами», — молился Уэйн, зная, что напрасно.

Карета всё дальше гроыхала по мостовой.

— Вот как... Бедная овечка оказалась изгоем среди заблудших душ в школе... Представляю, какие муки ты испытала.

В центре залитого вечерним светом кабинета, больше тяготеющего к залу, стояли женщина и девочка.

— Что мне делать... госпожа Кардмелия? — робко вопрошала совсем ещё девчушка.

— Есть ли у тебя ответ, чем ты им не угодила?

— Наверное... наверное, потому что я плохая...

— Нет. Как можно? Ты не сделала ничего дурного, — нежно утешала женщина. — Боюсь, в их сердцах ты не более, чем тень.

— Тень? — растерянно повторила бедняжка со слезами на глазах.

— Ты не личность, но тень от неё. Поэтому никто не протягивает тебе руку помощи: сколько тень ни будет кричать — её не услышат, сколько ни причины ей боли — совесть останется глуха.

— Я больше не хочу быть одна! Как заставить их увидеть во мне человека?! — закричала убитая горем девочка.

Кардмелия одарила её улыбкой богоматери.

— Ввергни их в пучину отчаяния, — ответила она таким голосом, словно объясняла что-то очевидное. — Пусть обидчиков, их пособников и всех тех, кто равнодушно прошёл мимо, охватит тёмный вихрь твоего воображения. А после и сама окунись в бездну. — Женщина нежно дотронулась щеки несчастной. — Вы будете вместе пробиваться сквозь чёрные воды отчаяния, и тогда в алом мареве из крови и плоти они выжгут настоящую тебя на своих сердцах. Когда выйдешь из тьмы, врагов уже не будет.

— Н-но... но простят ли они меня?

— Конечно, ибо ты простишь их. Ты простишь обидчиков, вы вместе преодолеете отчаяние, и тогда уже они простят тебя, — сказала Кардмелия голосом матери, убаюкивающей своё дитя.

— Но... что если они не простят...

— Тогда, — заговорила она, заглядывая девочке глубоко в глаза, когда та их не смела отвести, — они не люди, но животные. А животные, несущие зло человеку, не должны жить. Коротка их жизнь, но это справедливо. Всё хорошо. Тебе нечего бояться. Я с тобой. Собери всё своё мужество, прими отчаяние и...

— Кхем! — прервал их наигранно громкий кашель.

К собственному же удивлению девочка отстранилась, обернулась и обнаружила Уэйна со свитой.

— А... эм-м, спасибо большое, что уделили время, госпожа Кардмелия, и простите! — воскликнула она и проскользнула мимо принца.

Парень взглядом проводил её и повернулся обратно.

— Кажется, я слегка не вовремя. Мои манеры оставляют желать лучшего — прошу прощения, Ваше Высокопреосвященство.

— Хи-хи, не извольте беспокоиться. Спасибо, что пришли, Ваше Высочество.

Сев в предложенное кресло, Уэйн внимательно оглядел женщину.

«Так это и есть та, о ком ходит молва?»

Кардмелия — префект Апостольской курии, правая рука патриарха. Изначально эта роль отводилась королям и высшей знати, но это же препятствовало их постоянному пребыванию подле Патриаршего Престола. Поэтому создали Апостольскую курию. История префектов, её управленцев, довольно долгая. Порой они действуют от имени патриарха, а сейчас же способны оспорить власть Святейшего синода. На последнем собрании Консистория от лица патриарха выступала нынешний префект — Кардмелия.

«Старые обычаи на западе укоренились в умах людей не меньше, чем на востоке, а согласно официальной трактовке леветианской библии женщинам не место на высоких постах, и всё же...»

Кардмелия поднялась до префекта Апостольской курии, высочайшего положения в леветианстве, не имея никаких связей с основателем учения; этот статус ставил её рядом с его

первыми последователями. Некоторые даже называли её «политическим чудовищем», и Уэйн не мог найти более подходящего определения.

— Юная девица, что только что убежала, из знатного рода? — спросил принц, крепясь духом. Им больше ничто не мешало, и Уэйну не осталось ничего, кроме как с чего-то начать.

— Нет, она из простолюдинов.

— Вот как? Ясно... Вы и им проповедуете?

— Я указываю путь к свету Леветии всем страждущим. Как верующей, мне нет разницы, кому протянуть руку помощи в час нужды.

— Сколь вдохновляюще. Леветия непременно бы обрадовался, — рассыпался парень в бессмысленных любезностях, пытаясь найти зацепку для следующего шага.

— Тем не менее, Ваше Высочество, — Кардмелия сразу перешла к делу, ясно давая понять свою незаинтересованность в подобных речах, — вы прибыли сюда, дабы заручиться поддержкой на выдвижении в иерархи Святейшего синода?

— Я понимаю, сколь опрометчива может показаться просьба, но мною помывает необходимость.

Уэйн планировал вести переговоры более осторожно, но быстро передумал: оппонент не лыком шит — нужно проявить решительность.

— Как вам известно, Натра принимает беженцев со всех концов континента. Большинство из них ищут спасения, но продолжают держаться своей ереси.

— То есть, ваш народ — язычники?

— Отнюдь, просто на их родине придерживаются иных верований. В то время, как в Каварине есть всего одна, истинная религия. Я считаю, вера ничего не стоит, если не достигает сердца людей, и мой единственный грех в том, что мы не распространили истинное слово божье во всех землях до рождения его сыновей и дочерей.

Кардмелия чуть подумала.

— Хотите сказать, что обратите их сердца в истинную веру, вступив в Святейший синод?

— Именно. Смесь религий и склоки на этой почве — мой провал. И я жажду искупить вину как

иерарх. Уверен, лицезрев святые знамёна Леветии, люди отринут свои ложные убеждения и ступят на стезю истинной веры.

— Но их сердца уже во зле — под силу ли вам изгнать из них тьму?

— Воспетый ангелами святой Лоран сказал: «Вера в людей — первый шаг к их спасению». Я верю в народ Натры. Неужто вы не поверите, Ваше Высокопреосвященство?!

Уэйн внутренне рукоплескал своему красноречию.

— Я поняла ваши чувства, — нежно улыбнулась Кардмелия. — Прошу простить мне мою колкость в вопросах. Чин иерарха священен и таит в себе огромную силу и влияние — беспечность и жестокость его обладателя грозит ввергнуть дела мирские в хаос. Видно, мои опасения были напрасны.

— Значит...

— Как уполномоченная говорить от лица Его Святейшества, я принимаю вас достойным статуса иерарха. Однако у меня есть одно условие.

— Ваша воля — закон.

Это не поставило Уэйна врасплох: он ожидал такого исхода. К тому же она явно склоняется принять решение в его пользу.

— Это касается нашего общего друга, Его Величества короля Ордаласа. Ваша война с Марденом велась, дабы спасти угнетённых? Говорят, это подвиг, достойный иерарха.

Разумеется, это ложь. Святое дело приписали лишь после свершения факта. И Уэйн, и Святейший синод знали.

«Ей нужно подтверждение, что то — священная война... А точнее, она хочет убедиться, имело ли место быть мирским мотивам... Значит, речь о руднике!»

Вполне резонно с её стороны использовать золотую шахту как разменную монету, идущую в счёт пожертвования учению Леветии. Уэйн принялся взвешивать все «за» и «против», но следующих слов никак не ожидал.

— Тогда вам должно полностью освободить правоверных от гнёта, иначе я не смогу оказать поддержку.

— Что? — опешил принц, но быстро собрался. — Полностью? Мы сражались в союзе с Каварином и...

— Но кое-кто ещё остался ведь в живых? Сопротивление.

Уэйн почувствовал, как по спине пробежал мертвецкий холодок.

— Остатки армии Мардена по-прежнему цепляются за свои жизни и угнетают последователей Леветии. Они, точно дьяволом одержимые, спят и видят, как бы навлечь новые страдания на истинных верующих. Покой настанет, лишь когда всех нечестивцев охватит пламя чистилища, а их тела развесят на крестах на всеобщее обозрение и радость воронам. Вы же согласны, не так ли?

Кардмелия права, но всё же она только что подтвердила, что не ищет выгоды: крах сопротивления неизбежен — так зачем натравливать на них Уэйна, взамен обещая поддержку в Святейшем синоде? В этом нет смысла.

«Либо она с полной победы Натры выигрывает нечто мне неизвестное, либо...»

— М? Что-то не так, дитя моё? — вдруг обратилась Кардмелия к кому-то позади принца.

Тем человеком оказалась Зено, которая, судя по лицу, едва держала себя в руках.

— Если тебе нездоровится, то, пожалуйста, не стесняйся, присядь.

Забота Кардмелии выглядела невинно, но Уэйн понимал: она знает. Ей известно о подданных Мардена в его свите и цели освободить страну.

«Ясно, так тебе поиграть захотелось...»

Он уже задумался о чем-то подобном, увидев, как префект проповедовала девочке, но теперь никаких сомнений не осталось. Есть в мире люди, ввергающие окружение в хаос забавы ради; у них нет ни страха перед разрушениями, ни алчного желания наживы. И Кардмелия из их числа. Пост иерарха Святейшего синода — не более чем инструмент увеселения, способ заставить всех плясать под её дудку.

— П-пожалуйста, не б-беспокойтесь... пустяки...

— Можешь не сдерживаться. Я вижу, сколь сильно изранено твоё сердце от вида страданий благочестивых братьев и сестёр в Мардене.

— Н-нет, я...

— Всё хорошо, — Кардмелия потянулась к ней. — Тебе нечего бояться — Его Высочество их обязательно спасёт.

— Прошу прощения, — Уэйн взял Зено в охапку до того, до неё дотянулась префект. — Вы непременно правы. Восстановить мир в Мардене — наша первоочередная задача. Однако достигнуть её мы сможем только вместе с Каварином, поэтому я не вправе отвечать как мне угодно. Я попрошу аудиенции у короля Ордаласа и сообщу о решении позже.

— Боже правый, — Префект разочарованно насупила брови, но тут же сверкнула мимолётной улыбкой. — В таком случае с нетерпением жду завтрашней встречи.

— Глубоко признателен. Ветер нашёптывает мне бежать готовиться к приёму у короля — больше я компанию вам составить, увы, не в силах.

— Какая жалость, я бы с радостью пообщалась ещё... Ах, к слову, двери для вашего спутника всегда открыты.

— Мне невероятно лестно ваше внимание. Что ж, с вашего позволения.

Силой закончив разговор, Уэйн с Зено покинули кабинет.

— Как же он переволновался, — хихикнула Кардмелия и развернулась: — Это послужит твоей мести, Оул?

Останься принц — и не на шутку бы удивился, встретив здесь однорукого мужчину, с которым скрестил мечи в Салуде.

— Боюсь, вы даже малость перестарались Ваше Высокопреосвященство. Мне сдаётся, он истинно верующий, и от вашего отношения он мог вспылить.

— Было бы только интереснее.

Оул не понаслышке знал нрав префекта, но женщина по-прежнему обескураживала его. Мужчина закрыл глаза на её опасные заявления — остался ещё один вопрос.

— Вы и в самом деле поддержите выдвижение кронпринца в Святейший синод?

— Да, с радостью, если он отправит на суд божий оставшихся марденских прихвостней, — с готовностью кивнула Кардмелия.

— При всём уважении, Ваше Высокопреосвященство, но он опасен. Его возвышение на Западе может выйти вам боком.

— Но разве это не к лучшему? — ответила она так, будто это было очевидно. — Нашу искорку для пожара на Востоке потушили, но теперь, кажется, и Запад может запылать, — префект улыбнулась. Её лицо оставалось ясным и благочестивым, как у богоматери, но за этой маской скрывалась двуличная натура.

Оулу более не на что было жаловаться.

— А как там Айбис? — спросила Кардмелия.

— Приготовления идут согласно плану. Докладывает, что войска будут готовы к концу праздника.

— Рада слышать. Мы долго ждали этого дня и обязаны сделать его как можно более захватывающим. Непременно сообщите, если что-то понадобится.

— Как будет угодно.

Оул бесшумно вышел. Кардмелия развернулась обратно к окну и, думая об отдаляющемся экипаже, чуть ли не запела себе под нос.

— Хи-хи, вот бы ты не успел.

* * *

Настроение внутри кареты стояло мрачнее некуда. Зено сидела, свесив голову, и даже Уэйн не мог подобрать правильного слова. У неё остался один выбор: убить принца и не допустить союза Натры и Каварина. Это также бы дало ей время придумать план на случай непредвиденных обстоятельств. А ведь они оба сейчас находились в закрытом пространстве, где их никто не видел — лучшего шанса и не придумаешь. Но Зено не собиралась им воспользоваться. Отчаяние — одно слово, но идеально описывающее её состояние.

— Похоже, я на миг поверила, что мечта может сбыться, — медленно заговорила она. — Думала, если показать миру несправедливость, попросить помощи, то кто-то откликнется... я была так наивна.

— Что правда, то правда.

Всё сложилось бы иначе, если бы сопротивление раньше обратилось к другим странам. А возвращение столицы стало бы хорошим подспорьем. Если бы только они были решительнее,

если бы только они знали, чем всё обернётся... Они много раз могли всё исправить, но в итоге не изменили ничего.

— Я сам в не меньшем замешательстве: подумать только, Святейший синод — сборище проходимцев.

— Да, слов нет.

— Особенно Кардмелия. Ты знала, что ей на самом деле около шестидесяти?

Пустые глаза Зено на лоб полезли.

— Я думала, ей где-то тридцать.

— Как и я. Даже любопытно, это имя по наследству передаётся, или у неё маскировка под стать фламийцу?

— В обоих случаях она — чудовище... Мой отец был круглым...

Везапно Уэйна окликнули с улицы.

— Ваше Высочество, я нашёл вас.

— М? Остановись.

Карета со скрипом встала. Принц выглянул в окно и обнаружил Раклама.

— Ваше Высочество, рад видеть вас в добром здравии.

— Как и я тебя. Уже спешишь обратно?

— Да. Осталось только составить отчёт.

— Чудно. Запрыгивай.

— Как прикажете. С вашего позволения.

Раклам забрался внутрь, и экипаж снова тронулся.

— Есть что-нибудь интересное?

— Я до конца не уверен, но госпожа Ниним раскрыла жизненно важную информацию.

— Прекрасно. Обсудим в особняке.

Раклам поклонился и заметил Зено. Она сидела словно в воду опущенная — долго гадать, как прошли встречи, не приходилось.

— Кстати, а что за книга у тебя в руках? — поинтересовался Уэйн, указав на торчащий из кожаной сумки переплёт.

— Я по пути заглянул в книжную лавку и по совету Вашего Высочества приобрёл священное писание Леветии, чтобы побольше узнать об этой религии.

— Правильное решение... О, неужели я вижу вторую?

— Мне настоятельно рекомендовали эту книгу. Говорят, она пользуется успехом у дворян и купцов — вот и взял её из любопытства и прихоти. А называется: «Гордость императорского двора или...»

— Выкинь.

— Как прика... что? — оборвался Раклам на полуслове, когда до него дошёл смысл сказанного Уэйном. Он даже пару раз моргнул. — Я сделаю, как вы и велите, Ваше Высочество, но...

Капитан безоговорочно предан принцу, и иного выбора, кроме как выполнить приказ, у него нет. Но в тоже время Раклам знал: принц не из тех, кто без причины станет с презрением относиться к книгам.

— Не возражаете, если я спрошу, почему?

— Потому что я её написал.

От услышанного мужчина проглотил язык.

— Точнее, черновик набросал я, а искусный писатель из фламийцев завершил дело. Мы издали её на западе ещё до моего отъезда на учёбу в империю.

— Но разве не обязан я, как ваш подданный, прочесть её?

— Незачем, — отрезал Уэйн. — Вкратце, там говорится о верности дворянам, о рыцарях, служащих господину всем сердцем и душой. Они должны любить песни и танцы, писать стихи, преуспевать в делах амурных и с шиком проводить время. Жестокость осуждается, а бедность, даже во спасение, порицается, — он ухмыльнулся. — Что думаешь об этом идеале аристократа?

— Так и сияет благородством.

— Ты всё правильно понял, — оскалился принц. — Книга утверждает, что дворяне прекрасны по праву рождения, и поощряет их леность и бездействие — вот её и приняли тепло. Но есть один подвох: деньги.

— Деньги?

— Бедность — порок, бережливость — грех. Книга побуждает знать жить на широкую ногу, не считаясь с расходами. Презираются бюджеты, не одобряется ведение смет. И читатель проникается этими ценностями.

— Но разве такое возможно?

— Не совсем, но в вопросах веры люди не размениваются по мелочам и не выбирают, в какую часть книги верить, а в какую — нет.

Большинство читателей «Императорского двора» найдут в ней себя. Но признать, что автор ошибается в вопросе финансов, — а значит и во всём остальном, — значит признать, что они живут неправильно. Этого люди, конечно, никогда не сделают.

— Начнём с того, что бухгалтерия — наука скучная. В книге говорится, что носители голубой крови не обязаны отягощать себя её изучением. Это ложь, но люди охотно верят. Вода всегда найдёт себе дорогу.

Раклам что-то прокряхтел. Уэйн прав, но его это до конца пока не убедило: остался главный вопрос.

— Ваше Высочество, я понял, что вы хотите донести, но зачем распространять эту книгу на западе?

— Разве не очевидно? — парень расплылся в зловещей улыбке. — Чтобы Запад прогнал с ног до головы.

Раклам замер в ступоре. Обыкновенно милостивый принц источал дьявольское коварство.

— Дабы работа велась с должным усердием необходимы три вещи: вознаграждение,

соразмерное труду, высокая репутация ремесла и суровость наказаний за оплошность, — Уэйн поочерёдно поднял три пальца. — Бухгалтер обязан быть образцом порядочности и надёжности — соблазн обмануть на такой должности очень велик. А в книге я над этим насмеялся. Если труд не ценится, то и платить не станут, и репутация полетит на дно. Как думаешь, чем это грозит?

— Никто не захочет работать.

— В яблочко. По своей природе дворяне, наоборот, должны сами взять на себя управление финансами, но книга осуждает эту инициативу. Стало быть, они скинут учёт на кого-то другого. И единственные, кто возьмутся за сие уже неблагоприятное дело — люди без статуса и амбиций.

Удивление на лице Раклама говорило, что он понял, куда ведёт принц.

— От таких проходимцев не стоит ожидать стойкости и верности делу, — продолжал тот, — лишь жажду наживы бесчестными путями. Мошенничество будет расти, а вместе с ним презрение знати к казначеям и счетоводам и суровость их наказаний. Число настоящих мастеров только уменьшится.

В итоге благородные сословия не будут знать, что происходит с их собственной казной. Семьи дворян начнут разоряться одна за другой. Чтобы не оказаться на улице, аристократы примутся задиравать налоги. Страшась поборов, все купцы разъедутся, в городах вспыхнут голодные бунты, а к тому времени у власть имущих не найдётся денег, чтобы содержать хоть какую-то армию. Едва ли им удастся отстоять фамильный дом от озлобленных горожан.

— Честно, я даже не знаю, есть ли от книги хоть какой-то толк, — беззаботно добавил Уэйн.

— Прав... да?

— Это всего лишь книга. Она снискала какую-то популярность, но, пожалуй, скоро забудется. Поживём — увидим.

— И вы не против?

— Этот план, конечно, возымел наибольший успех, но у меня и другие тузы в рукаве есть. Не работает — займёмся чем-нибудь другим, — рассмеялся принц.

Раклам не в силах был унять дрожь: Уэйн написал эту книгу до учёбы в империи. То есть идея и разработка плана принадлежала существу отроку.

— Теперь-то ты понял, почему не стоит её читать?

— Да. Но я не могу выкинуть книгу, написанную Вашим Высочеством. Клянусь не открывать её, но прошу прощения за дерзость желания оставить её при себе.

Уэйн задумался. Книги очень дороги, и человеку тяжело взять и выкинуть её.

— Ладно, будь по-твоему. Если хочешь, можешь почитать, но не воспринимай близко к сердцу.

— Огромное вам спасибо.

Раклам глубоко поклонился и заметил, как Зено с ужасом смотрела на принца. Он не знал, что она точно также смотрела на иерархов Святейшего синода.

* * *

Ниним ждала Уэйна как в прошлый раз. Зено сказала, что хочет побыть одна, так что они собрались втроём.

— Гм, говорите, тайная встреча Леверта и Голоньеха?

— Мы не смогли дослушать их разговор и до конца не уверены, но их цель...

— Я. Мёртвый, — закончил Уэйн.

— Да...

Леверт всегда выступал за войну с Натрой, и со смертью кронпринца они гарантированно схлестнутся в битве.

— А ещё из-за маленького особняка мы не можем собрать всю охрану, — добавил Раклам.

— Голоньех и проводил нас сюда. Он точно здесь замешан.

Очевидно, он стремился раздробить стражу Уэйна и сделать его беззащитным. И именно Голоньех перед отправкой настаивал на сокращении числа слуг. Последуй принц просьбе — быть ему зарытым в том самом лесу.

— Он использует Леверта, отвлекая того от короля Ордаласа, что постепенно теряет власть. Держу пари, Голоньех вздумал вернуть себе рудник.

— Он управлял им, когда прииск принадлежал ещё Мардену, — согласилась Ниним. — С его

знаниями дело почти в шляпе.

Принц вздохнул.

— Голоньех славный малый. Я бы принял его на службу, предложи он свои услуги Натре.

— Правда?

— Куда проще управлять умными и лишёнными моральных устоев, чем умными и ставящими честь превыше всего.

Ниним и Раклам переглянулись.

— В общем, теперь мне известно, откуда нарисовался Леверт — перейдём к Ордаласу, — сменил тему Уэйн. — Я уже выяснил, что король держит свой авторитет, цепляясь за происхождение, но он зашёл слишком далеко — народ отворачивается от государя. Захват золотой шахты стал бы для него пресловутой маленькой и победоносной войной, что вернула бы к нему расположение подданных. Избегая осуждения Святейшим синодом, король сулил им золотые горы и ждал, когда Марден развяжет с нами войну. А потом, когда он проиграет, Ордалас под шумок бы захватил прииск. Но шахта досталась нам, и всё пошло прахом.

Ниним сложила руки.

— Марден сам был не богаче нас. А мы, захватив рудник, доставили Ордаласу еще больше проблем.

— Но, если он уйдёт из Мардена, то потеряет ещё больше, — пробормотал Раклам.

Уэйн кивнул.

— Прибавьте сверху сопротивление. Жертвы и расходы растут, а пользы не видать. А тут ещё и Святейший синод капает на мозги за невыполнение своих обязанностей. Вот старик и потянул ко мне ручонки, — юноша указал на себя пальцем. — Рекомендацией в иерархи он желает сделать меня должником и перетянуть на свою сторону.

По завершении встречи король наверняка бы выторговал золото почти задаром и вышел сухим из воды.

«Вот и всё, что мы имеем. Можно остаться с Ордаласом и стать иерархом; или для вида связаться с ним, а на деле объединиться с Грюйером; а можно всё бросить и вернуться домой. Вопрос, какая из игр стоит свеч».

Уэйн всё глубже погружался в мысли, когда раздался стук в дверь.

— Прошу прощения.

В проёме показалась Зено. Никто не ожидал её увидеть: на ней лица не было, когда девушка уходила к себе. Но сейчас глаза горели решимостью.

Она встала на колени перед принцем.

— Ваше Высочество, позвольте попросить вас об одолжении.

— О каком же?

— Смиренно прошу взять меня с собой на аудиенцию с Его Величеством Ордаласом.

Уэйн догадывался, что она попросит об этом, а потому на его лице места удивлению не нашлось.

— Ты же понимаешь, в какой ситуации оказалась?

— Да. Я не могу рассчитывать на помощь Святейшего синода, а союз между Натрой и Каварином близок как никогда. Жизнь Армии освобождения висит на волоске.

— Тогда ты знаешь, что мне брать тебя с собой не стоит — иначе смерть Ордаласа повесят на моё имя.

Единственный шанс для Мардена — убить короля и воспользоваться хаосом при контрнаступлении.

— Всё не так, — ответила Зено. — У меня нет намерений убивать Его Величество.

— Вот как? Тогда зачем тебе со мной идти?

— Чтобы заключить союз между Армией освобождения и Натрой.

Все мигом остолбенели.

— И с чего бы Натре объединяться с вами?

— Откуда мне знать?! — выкрикнула Зено.

Её слова смутили Уэйна, однако та продолжила как ни в чём не бывало.

— Но мы найдём причину! Консисторий только завтра! За это время я найду повод объединиться с нами!

Воля сродни пожару. Её пылкие слова — безрассудство, за которым ничего не стояло. Уверенности Зено не занимать, и это чувствовали все.

— Отказываюсь. — Но Уэйн не склонен поддаваться пустым словам. — Я восхищён твоим духом, но это не повод брать тебя с собой — нет смысла. А если прямо: я тебе не доверяю.

Жестоко, но сердце девушки не дало трещину.

— Не верите?

— Есть ли хоть одна причина, по которой я должен передумать?

— К несчастью, я не располагаю чем-то столь удобным, однако... — Зено перевела дыхание, — не вы ли говорили, Ваше Высочество, что доверие имеет ценность только потому, что существует предательство? Я прошу вас дать мне шанс.

Она сжала кулаки и смело смотрела вперёд.

Принц чуть помолчал, как вдруг на его лице блеснула небольшая улыбка.

— Только пообещай, что не будешь тыкать железкой в короля — лишь варварам дозволено обнажать меч на приёме.

— Обещаю.

— Чудно. Пойдёшь со мной.

Лицо Зено просияло.

— С-спасибо вам огромное!

— Рановато благодарить. Я по-прежнему жду тот путь к будущему, который ты хочешь показать, — напомнил Уэйн с усмешкой в глазах. — Раклам, готовься выступить в королевский

замок. Ниним, распорядись о защите с учётом вероятного нападения и удостоверься, что пути отхода готовы.

— Как прикажете, Ваше Высочество!

Двое подданных пошли исполнять свой долг.

Вскоре Уэйн, Раклам и Зено направлялись к Ордаласу.

* * *

«Интересно, и как же всё сложится? — размышляла Ниним, вспоминая Зено и её огненный взор, пока готовила особняк к обороне. — Соппротивление явно на ладан дышит, раз она так говорит».

Нужна веская причина, по которой Натра отказалась бы от союза с Каварином и присоединилась к Мардену. Ниним не верила, что Зено сможет сдержать обещание, но втайне надеялась.

Она заинтересована во вхождении Уэйна в Святейший синод и как фламийка, и как просто человек: ведь тогда он получит власть среди тех, кто притесняет её народ.

«Было бы здорово, если бы это вдруг случилось, но...»

Девушка не стала ограничивать полёт мыслей и даже пришла к совершенно безумным вещам, но никаких озарений ей не открылось. Впрочем, она не только не могла думать о своих планах, но и перечить слову Его Высочества.

«Похоже, мне остаётся лишь принять, что произойдёт на встрече, что бы там ни было».

Ниним ждала возвращения Уэйна и остальных.

<http://tl.rulate.ru/book/96391/3297886>